

Великие тайны прошлого

Екатерина Барсова

Заветный ковчег Гумилева

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Барсова Е.

Заветный ковчег Гумилева / Е. Барсова — «Эксмо»,
2018 — (Великие тайны прошлого)

ISBN 978-5-04-092813-2

Изучая свою родословную, Маша заинтересовалась судьбой двоюродной прабабушки Ариадны Бориславской. Ариадна работала в знаменитом институте крови Александра Богданова, была видным ученым, но в конце двадцатых годов исчезла, и сведений о ней Маша не смогла найти ни в одном архиве. Случай свел ее с Василием и Анной из историко-консультативного центра «Клио», и они взялись выяснить, что же на самом деле произошло с Ариадной. В поисках информации о ней молодые историки пришли к сенсационным открытиям: Бориславская была знакома с Николаем Гумилевым и, выполняя последнюю волю поэта, отправилась в Африку, чтобы отыскать некий артефакт, который сможет изменить ход истории...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092813-2

© Барсова Е., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Ярославль – Москва. Наши дни	7
Часть вторая	27
Германия. 1919 год	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Екатерина Барсова

Заветный ковчег Гумилева

© Барсова Е., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Пролог

Жозефина встала из-за компьютера и подошла к окну. За окном царилась ночь, но спать не хотелось. Она вгляделась в ночной пейзаж. Вдруг дома с решетками, звезды, деревья и даже тусклые фонари – все двинулось со своих мест.

Жозефина провела по лбу ладонью. Оптический эффект объяснялся очень просто. Она переутомилась, глаза устали от компьютерного экрана, и сейчас у нее сильно кружилась голова. Кофе уже не помогал. Почти шесть часов непрерывной работы сделали свое дело. Если она сейчас не ляжет спать, то опустится на пол и уже не встанет.

От размышлений Жозефину отвлек звук на кухне. Наверняка это Конт, большой бело-черный кот со свирепым выражением морды, вновь прыгнул на шкаф и что-нибудь непременно свалил. Жозефина баловала кота, она жила одна, и кот был ее собеседником, другом, ребенком и вообще существом, с которым можно поделиться своими горестями, невзгодами, радостями и открытиями.

Жозефина направилась на кухню. Конт сидел на шкафу и снисходительно смотрел на хозяйку сверху вниз. На полу валялась пластмассовая игрушка Деда Мороза – Ноеля.

– Ах ты, разбойник, – покачала головой Жозефина, поднимая игрушку. – Стоит мне отвлечься, как ты хулиганишь.

Кот слушал ее внимательно, но никакой реакции не выдавал. Жозефина открыла холодильник, достала молока и налила его в стакан. Конечно, для бодрости следовало выпить еще кофе. Но ей даже смотреть на этот напиток было противно, не то что вдыхать его аромат. За последний день Жозефина выпила не меньше десяти чашек кофе, кажется, еще одна порция, и сердце не справится с нагрузкой.

Нет, положительно, надо идти спать и попытаться уснуть. До утра осталось всего каких-то четыре часа. Если она не поспит, то на работу придет вялая и уставшая. Шефу это не понравится.

Допив молоко, Жозефина пошла в спальню. Компьютер она не выключила, и на экране мерцала сложная схема со стрелочками, кружочками и волнистыми линиями, в центре которой красовался герб династии Романовых.

Через два дня открытие научной конференции, нужно присмотреться к участникам. Вдруг кто-то еще занимается этой темой, подумала Жозефина перед тем, как закрыть глаза.

Часть первая

Преступление без наказания

Ярославль – Москва. Наши дни

Мария шмыгнула носом и еще раз внимательно прочитала сообщение. Внешне было не придраться.

«Привет! (Веселый смайлик.) Как дела? (Два вопросительных знака. Почему – два? Дрогнула рука и он поставил лишний? Или хотел подчеркнуть, что ему страшно интересно знать, как у нее дела, хотя они недавно общались?) Я нахожусь в очень красивом месте. Как ты думаешь, в каком? (На этот раз вопросительный знак один. И смайлик с дурашливой улыбкой.) Подсказка: место, откуда виден Париж. (И подмигивание.) Эйфелева башня! Даже не ломай голову. (Снова – подмигивание)».

Маша и не собиралась ломать голову. Вот еще!

Далее текст гласил: «Здесь все офигительно! (Смайлик.) Возвращаться не хочется. Но скоро вернусь. (И маленький значок: букет цветов.) Целую, обнимаю».

Обычное сообщение. Что Машу взволновало? Непонятно. Ее молодой человек Вадим Куприянов уехал в командировку в Париж на три дня. На международную научную конференцию.

Один день уже пролетел. Через два дня Вадим вернется. И чтобы эти дни прошли быстрее, Маша решила отправиться в Ярославль к дальней родственнице, поездку к которой все время откладывала на потом. Почему бы не развеяться и не порадовать тетушку?

Все было хорошо, и даже прекрасно, Тамара Владимировна встретила гостью домашними пирогами – нежными, тающими во рту, с румяной корочкой, как Маша любила. Особенно вкусными были пироги с картошкой и луком.

Год назад Тамаре Владимировне исполнилось семьдесят два года, но выглядела она прекрасно: седые волосы аккуратно уложены, лицо с тонкими чертами ухоженное, изящные руки бывшей пианистки с хорошим маникюром. Тамара Владимировна долгое время преподавала музыку в музыкальной школе. И всего лишь пять лет назад оставила это занятие. Возраст есть возраст.

После обеда Маша решила отправиться на прогулку, тетушка хотела было составить ей компанию, но Маша отказалась:

– Мы обязательно с вами погуляем, завтра по набережной. А сегодня я хочу пройтись одна, осмотреть город самостоятельно.

На самом деле Маша собиралась навестить одного знакомого, но решила сохранить этот визит в тайне, чтобы Тамара Владимировна не обижалась, что она проводит время не с ней.

Перед выходом Маша мельком посмотрела на себя в зеркало.

Темные, слегка вьющиеся волосы, полные губы, симпатичное лицо. Вот только глаза – грустные. Она улыбнулась своему отражению, надеясь, что это поможет поднять настроение.

Виктор Степанович жил на окраине города. Следовало бы позвонить перед тем, как идти, но Маша хотела сделать ему сюрприз. К счастью, Виктор Степанович оказался дома.

– Машенька! – обрадовался он. – Проходи! Вот тапочки, вот вешалка. Раздевайся, и идем пить чай. Я как раз купил вкусный пирог с вишней. Словно предвидел твой визит. На старости лет телепатом заделался, ей-богу! Почаевничаем не спеша. Или ты куда торопишься?

– Нет. Могу себе позволить не торопиться, – улыбнулась Маша. – Спешку и суету оставила в Москве.

– И правильно сделала, – кивнул Виктор Степанович. – От всего надо отдыхать. В том числе и от Москвы. Ты мне позвонила неделю назад, сказала, что, возможно, приедешь, но как-то неопределенно. И ведь могла бы меня сегодня и не застать, я собирался навестить брата в Костроме.

– Я до последнего не знала – вырвусь сюда или нет. Все получилось спонтанно.

– Понимаю. И рад, что все так удачно сложилось. Чайник сейчас вскипит.

Кухня была маленькая, даже повернуться негде. Хозяин суетился у плиты. А Мария подумала, что редко испытывала такое умиротворение. Если закрыть глаза, то можно перенестись в детство, когда бабушка также хлопотала на кухне и заваривала вкуснейший чай с медом и липой. Бабушка... Маша улыбнулась.

– Что-то хорошее, смотрю, вспомнила, – сказал Виктор Степанович. – Так славно улыбаешься.

– Это точно! Бабушку вспомнила...

– С чем чай будешь? У меня тут целая россыпь трав. Есть липа... А где-то еще мед был. Нет ничего лучше, чем чай с медом и липой.

Маша рассмеялась.

– Я только что думала о меде и липе.

– Вот и хорошо. Наше подсознание иногда дает нам замечательные подсказки. Надо этим пользоваться.

– К сожалению, это бывает редко.

– Да, мы свои внутренние голоса заглушаем суетой, пустяками, пустословием. Обрати внимание: как много и в основном не по делу мы говорим. Впрочем, это не относится к тебе, Машенька, – галантно поправился Виктор Степанович. – Я говорю о людях в целом.

– Относится! Еще как относится! – усмехнулась Маша. – Я такая же, как все: трачу время на пустяки вместо того, чтобы заниматься серьезными делами. Так что побольше ругайте меня. Авось исправлюсь. И выйдет из меня толк.

После чая с пирогом Виктор Степанович пригласил Машу в гостиную. Эта маленькая комнатка осталась именно такой, как Маша запомнила: в углу старинная этажерка – из красного дерева, шкаф – с красивой посудой, фотографиями и фарфоровыми статуэтками. Вдоль стен – полки с книгами.

У Виктора Степановича была отличная библиотека, оставшаяся еще от отца.

– Садись, Машенька. Как же ты похожа на свою прабабушку! – не удержался он. – Вылитая Ариадна Федоровна. Как на фотографии.

– Спасибо, – улыбнулась Мария. – Но мне до нее далеко. Она была умница, красавица...

– Машенька! – всплеснул руками Виктор Степанович. – А кто сомневается в твоём уме и прекрасных внешних данных? Никто!

– Это я кокетничаю, – улыбнулась Мария. – Вы уж меня простите.

Она опустила в мягкое кресло и подперла щеку рукой.

Виктор Степанович остановился около книжных полок и, протянув руку, достал старую толстую тетрадь.

– На чем мы остановились?

– На тысяча семнадцатом годе. Упоминается некий Груссель.

– Кажется, это имя всплывает в исследованиях Вадима, – заметила Маша.

– Позвони и уточни у него, – предложил Виктор Степанович.

– Не могу, он сейчас на одной конференции во Франции. Не хочу лишний раз беспокоить. Виктор Степанович проницательно посмотрел на нее сквозь очки и спросил:

– Только в этом дело?

– Только в этом! – нахмурилась Маша.

Тетрадь в руках Виктора Степановича была дневником, который прислал ему один старый друг, работавший в краеведческом музее. В музей этот дневник, вместе с другими бумагами умершей бабушки, передали родственники. Мол, хранился в их семье с незапамятных времен. Виктор Степанович с Машей с интересом эту находку изучали. Ведь записи в дневнике касались их предков.

– Следы Ариадны Федоровны затерялись, – вздохнула Маша.

Виктор Степанович развел руками.

– Увы! Время было такое. Все всего боялись. Рушился старый мир: семьи, устои. Традиции... Нам сейчас, честно говоря, трудно себе представить: как это было. Мы привыкли воспринимать революцию, разруху, гражданскую войну... как набор слов. Наш взгляд из сегодняшнего дня, когда у нас есть крыша над головой, есть еда на столе и есть уверенность, что ты выйдешь на улицу и тебя не подстрелят, не способен охватить всего.

– Да, – кивнула Маша. – Страшный век. Жизнь могла оборваться в любой момент. Внезапно.

– И страшнее всего – именно вот эта внезапность! – горячо воскликнул Виктор Степанович. – Внезапность во всем. Люди стали как хищные звери: если ты никого не съешь – съедят тебя. Твоей двоюродной прабабушке, кстати, повезло, Машенька. В то время немногим удалось проскочить. Или пройти над бездной. Настоящих специалистов все-таки ценили. Молодая власть отчаянно нуждалась в них. Ведь не осталось никого, кроме революционного пролетариата и крестьян, которые косо смотрели на новые порядки и были готовы в любой момент взбунтоваться. А государству требовалось как-то функционировать. И поэтому привлечение спецов, пусть даже старой закалки, – стало жизненной необходимостью. Ариадна Федоровна была из их числа.

Маша знала, что когда случилась Октябрьская революция, ее прабабушке Ариадне Федоровне Бориславской исполнился двадцать один год. Она была очень талантливой девушкой, занималась биологией и делала многообещающие успехи в медицине. Могла уехать за границу, но осталась в Советской России. Почему? Ее родители умерли в восемнадцатом году. Из родных осталась только сестра – Машина прабабка. Сведений об их жизни в первые годы советской власти было катастрофически мало.

Маше удалось выяснить, что после революции Ариадна Федоровна работала в институте Богданова, но после двадцатых годов сведений о ней больше нет. Зато осталось несколько писем Ариадны к подруге, некоей Наташе Р. В одном из этих писем Ариадна сообщает, что беспокоится о Романовых и особенно переживает за Анастасию.

Это упоминание об Анастасии Романовой очень заинтересовало Вадима, он занимался историей царской семьи после их ареста. А еще Вадим считал, что Анна Андерсон, одна из самых известных девушек, которая выдавала себя за чудом выжившую царевну Анастасию, не лгала, а была именно младшей дочерью императора Николая Второго, а не самозванкой.

С Виктором Степановичем Маша познакомилась случайно, три года назад разговорившись на одном из конгрессов по истории. Маша узнала, что Виктор Степанович Микушин тоже занимается историей своего рода и ему удалось установить, что его дед работал вместе с Бориславской Ариадной Федоровной в лаборатории Александра Богданова. А потом и в Институте крови, который он создал. С тех пор Маша и Виктор Степанович регулярно контактировали. Они переписывались по электронной почте, созванивались, иногда Маша приезжала к Виктору Степановичу в гости.

Деду Виктора Степановича повезло меньше, чем Ариадне Федоровне. Или о нем просто больше известно. В 1938 году ученый Микушин был арестован и отправлен в ссылку. Вернулся он оттуда очень больным человеком и прожил всего пять лет.

Виктор Степанович, будучи еще мальчишкой, слушал его рассказы о прошлом. Позже он записал по памяти многое из того, что слышал, но признавался, что немало упустил.

– Все-таки я позвоню Вадиму, – решила Маша, вставая с кресла.

– Хорошо, чтобы тебе не мешать, я выйду на кухню, – откликнулся Виктор Степанович. – Оставайся здесь. Никаких проблем.

Он вышел, закрыв за собой дверь.

Маша набрала номер Вадима. Длинные гудки. В чем дело? Неужели ему трудно ответить на ее звонок? Неужели он не понимает, что она беспокоится! Да и потом, разве ему не хочется услышать ее голос, поговорить с ней. Тревога стала сильнее. Может быть, он вообще уже охладил к ней?

Маша поняла, что такие вопросы заводят ее слишком далеко, и дала себе приказ: прекратить панику. Вадим просто не может сейчас ответить.

Она нажала на отбой и положила мобильный на столик перед собой. Вадим перезвонит ей при первой же возможности, и Маша не хотела пропустить звонок.

– Виктор Степанович! – позвала она.

Хозяин квартиры вплыл в комнату с подносом, на котором стояли чашки с чаем и вазочка вишневого варенья.

– Я думаю, самое время подкрепиться.

– Балуете вы меня.

– А кого же мне еще баловать? Степка в Питере. Внуки ездят нечасто...

Виктор Степанович жил один: жена умерла десять лет назад, сын с семьей переехал в Санкт-Петербург.

– Все нормально? – кивнул он на телефон. – Поговорили?

– Нет, – вздохнула Маша. – Вадим не берет трубку.

– Ну наверняка он очень занят. Не каждый же день его посылают в заграничную командировку. Общается с коллегами, весь в научных спорах и докладах. Ученые – люди увлекающиеся. Ты и по себе знаешь. А может, он телефон потерял? Закинул куда-нибудь среди бумаг и звонка не слышит?

– Вообще-то Вадим всегда на звонки отвечает, – возразила Мария. – И он же педант. Все у него по правилам должно быть, и вещи лежат строго на своих местах, ничего никогда не пропадает. Все бумаги и документы разложены по папкам. Не то что у меня. И вдруг...

– Позвонит, – заверил ее Виктор Степанович. – Обязательно перезвонит... Не расстраивайся раньше времени.

Действительно, вскоре раздался звонок. Но только звонил не Вадим. А Машина мать – Светлана Николаевна.

Мама звонила не так уж часто. Они с отцом жили своей жизнью, были совсем не старыми и очень активными людьми. Они с удовольствием ходили зимой на лыжах, летом путешествовали по стране – в Карелию, на Алтай, в Сибирь и даже пару раз слетали на Дальний Восток. У них был свой круг друзей, сложившийся за многие года. Костяк этого круга составляли школьные и институтские товарищи, такие же активные и деятельные.

Маша очень любила родителей, но образ их жизни ей совершенно не подходил. Чаще всего вечерами ей хотелось остаться одной, слушать музыку или просто грустить, читать стихи, смотреть в окно. Мама с папой считали такое времяпровождение пустой тратой времени. В юности, когда Маша закрывалась в комнате и слушала музыку, все заканчивалось тем, что заглядывала мать и, увидев дочь за таким бессмысленным занятием, старалась придумать для нее настоящее «важное интересное дело» – велопогулку, пеший поход или какую-нибудь работу по дому.

Маша никогда не делилась с мамой своими переживаниями и секретами, опасаясь, что это тоже сочтут неважным и бессмысленным. К счастью, против ее увлечения историей родители ничего не имели. И даже гордились, что их дочь учится в аспирантуре. Вадима они также одобряли.

Маша встретила Вадима год назад, и ей казалось, что жизнь входит в берега.

Вадим был полной ее противоположностью. Если Маша втайне не любила порядок и тяготела к хаосу, то Вадим напротив – любил, чтобы все лежало по местам. Маша была совой, Вадим – жаворонком, Вадим любил сладкое, Маша – острое и соленое, Маша любила поваляться на диване с книжкой, Вадим – любил планировать выходные заранее и составлять пункты развлечений. Он вообще любил планы, отчеты, строгий распорядок.

Но Маша ценила в Вадиме главное – он давал ей *чувство дома*. Живя с родителями – она жила в *их* доме. Они все делали дружно – ходили за покупками, готовили, принимали друзей. Никакой инициативы Маша проявить не могла. И с годами это стало раздражать.

С Вадимом они снимали квартиру, и Маша чувствовала себя хозяйкой дома. И за это могла простить Вадиму многое – его мелкие придирки, стремление ее поучать, ревность к научным успехам. Но иногда ей становилось тяжело, и она думала, что, возможно, они не слишком-то подходят друг другу. Только признаться себе в этом у нее не хватало решимости.

* * *

Этого парня Вася Курочкин заметил сразу. Парень был из породы трудоголиков и фанатов, как и он сам. С такими Вася обычно быстро находил общий язык: увлеченность предметом плюс знания помогали сразу завязать разговор. Собеседники обменивались визитками и впоследствии, если встречались на разных мероприятиях, вели себя как старые знакомые, а бывало, что общение продолжалось и более тесно – завязывались совместные интересные дела и проекты.

В фойе конференц-зала Вася и его новый знакомый – Вадим – перекинулись лишь парой реплик, более подробно поговорить не удалось, потому что начиналась конференция, но визитками обменяться все-таки успели.

Не дожидаясь перерыва, Вася выскользнул из зала, намереваясь посетить заведение, куда и короли пешком ходят, но, проходя мимо буфета, неожиданно заметил Вадима, оживленно беседующего с какой-то дамой. Лица женщины он не рассмотрел, но предположил, что она – француженка. Может быть, дело было в чересчур прямой спинке, а может – в ее аккуратной и вместе с тем небрежной прическе. Вася отметил про себя, что, очевидно, этот разговор для Вадима более важен, чем присутствие на конференции.

Когда он возвращался обратно в зал, этих двоих уже не было.

Во время перерыва Вася разыскал Вадима. Тот выглядел взволнованным и озабоченным.

Разговора не получилось, кто-то отвлек Васю, и он отошел, решив про себя, что непременно еще переговорит с Вадимом.

Вечером он хотел было позвонить, благо телефон был на визитке, но подумал, что еще успеет. Знакомство можно возобновить и по возвращении в Москву, а сейчас у Вадима наверняка есть и другие дела. Возможно, он гуляет по вечернему Парижу вместе с той самой француженкой, а он, Вася Курочкин, будет отвлекать человека от столь приятного времяпровождения.

На другой день Вася увидел Вадима и вновь отметил, что выглядит тот не лучшим образом. Явно парень провел бессонную ночь, Вася мысленно поздравил себя с тем, что вчера правильно все рассудил и не стал вторгаться в личное пространство молодого ученого.

На третий день Вадима на конференции Вася уже не встретил. Не видел его и в аэропорту, хотя Вадим мог лететь другим рейсом.

Когда Вася сидел в аэропорту в ожидании рейса, ему позвонила Анна – его помощница и компаньон, вывалила ворох новостей, и все, что связано с новым знакомым благополучно испарилось из Васиной головы. Нужно было решать насущные задачи.

* * *

Маша знала за собой один существенный недостаток. Она была человеком мнительным и легко поддавалась панике, хотя каждый раз уговаривала себя не делать из мухи слона.

Вот и сейчас она с трудом сдерживала слезы.

– Машенька! Ты что? – спросил обеспокоенный Виктор Степанович.

– Кажется, с Вадимом что-то случилось, – дрожащим голосом сказала она. – К телефону не подходит, на эсэмэс не отвечает. Да еще мама сыплет соль на рану: спрашивает – как Вадим. А что я могу ей ответить? Промямлила, что все в порядке.

– Машенька, не надо рисовать себе всякие ужасы понапрасну! Ну что могло случиться на научной конференции? Думаю, скоро все прояснится и окажется, что твоя тревога была напрасной.

– Да, возможно, вы правы, – вздохнула Маша, но тревога не отступала.

* * *

В Москву Вася Курочкин вернулся в хорошем настроении, несмотря на то что Анна загрузила его работой еще в аэропорту. Новое исследование, что им заказали, требовалось сделать срочно. После нескольких успешных дел их историко-консультативный центр «Клио» пользовался большой популярностью, и заказов было немало.

Когда Вася пришел на работу, Анна уже сидела за своим компьютером и с сосредоточенным видом что-то писала. Он поздоровался и тоже сел работать.

– Все, перекур, отдыхаем, – устало выдохнул он в два часа.

– Как съездил? – поинтересовалась Анна. – Сидишь и молчишь!

– Хорошо. Сейчас расскажу.

Заварив кофе, Вася откинулся на стуле.

– Командировка была довольно плодотворная. Собрались ученые из разных стран. Тематика весьма актуальна, как ты знаешь...

– Вася! – перебила его Анна. – Ты мне рассказываешь, как будто бы отчет пишешь. Говори нормальным языком, не таким официозом.

– Не таким официозом, – повторил Вася и неожиданно вспомнил Вадима. – Был на конференции один парень с очень интересной темой. Нестандартной. Историки ведь часто ходят проторенными путями и годами сидят на одних и тех же разработках и направлениях. А он как свежий глоток воздуха. И вообще показался мне человеком довольно любопытным. Я хотел было с ним пообщаться в неформальной обстановке...

– И в чем же дело? Пригласил бы прогуляться по Елисейским полям или по Монмартру. Или куда-нибудь еще, где обычно туристы гуляют.

– Подожди. Не перебивай меня. Дослушай до конца и по порядку. Я был бы рад его куда-то пригласить, но он выпал из моего поля зрения.

– То есть как это выпал? Вы разве не на одной конференции были?

– Так-то оно так, но у него свой круг интересов образовался.

– Какой?

– У него вроде амур с одной мадам наметился. Поэтому встречать мне было неудобно. Роман – дело святое. Франция, Париж, амур-тужур.

– Прямо на конференции и закрутил роман? – удивилась Анна.

- Ну да, кажется.
- Вот и отправляй мужчин в научные командировки! – усмехнулась Анна. – Вы даже там умудряетесь свои личные делишки порешать.
- Это относится не ко всем, – строго заметил Вася.
- О присутствующих я не говорю. Мы все тут, как жена Цезаря, выше подозрений...
Вася почесал в затылке.
- Но найти мне его хотелось бы.
- Визитку взял?
- Да.
- Ну так какие проблемы – звони коллеге.
- Я уже звонил – не отвечает.
- Вася снова набрал номер.
- Абонент недоступен. И как же его найти?
- Проще простого. Для этого есть социальные сети. Всякие там Фейсбуки, В контакте, Одноклассники. Для серьезных людей – Линкид.
- Я в социальных сетях не торчу.
- Я тоже. Но иногда захоживаю. Все-таки сети и Интернет – вещь полезная. Иногда свежую и нужную информацию узнаешь. Иногда с человеком срочно свяжешься. Особенно если сотового нет, а связаться – надо. Как его фамилия и имя? Попробую найти.
- Вадим Куприянов.
- Минуту.
- Анна забила имя в поисковую строку.
- Есть! Это он? – Она развернула монитор в сторону Васи.
- Курочкин всмотрелся в лицо молодого мужчины.
- Он!
- На Фейсбуке есть. Будешь связываться?
- Для этого, кажется, нужно завести аккаунт.
- Дело двух минут. Могу сделать это за тебя.
- Может, ты еще и пароль за меня придумаешь? Я сам, Рыжикова, все сделаю. Пока я еще в беспомощного младенца не превратился.
- Зарегистрировавшись на Фейсбуке, Вася отправил Вадиму сообщение.
- Отправил? Теперь – жди! – напутствовала его Анна. – Скоро откликнется твой неординарный историк.
- Вадим не откликнулся ни в течение дня, ни на следующие сутки.

* * *

Анна пришла домой под вечер с целым пакетом покупок. И была крайне недовольна этим обстоятельством. В магазин нельзя ходить не только голодным, когда ты автоматически покупаешь себе продуктов больше, чем надо, но и не стоит отправляться за покупками расстроенным или в дурном настроении. А так же в состоянии задумчивости, унынии, скуки, апатии. И еще целый список неблагоприятных условий для шопинга.

Проблема в том, что тогда сразу начинаешь покупать больше, чем нужно, по одной-единственной причине – подсознательно хочешь себя утешить и вознаградить за все тяготы и неприятности жизни. Да еще все эти современные упаковочки, дизайн, реклама и прочие маркетинговые штучки влияют.

В результате, выложив покупки на стол, Анна застыла в недоумении. Ну продукты ладно! Но зачем ей две упаковки свечей – одна из которых представляет собой набор новогодних елочек? Новый год уже прошел. Или ей хочется свой персональный Новый год? А что ска-

зять по поводу следующих приобретений: керамический горшок с искусственными цветами, настенное панно, авторская кукла, ярко-малиновый фартук с надписью «счастливая хозяйка» и французский крем от морщин со скидкой?

Нет, решительно надо делать покупки только по заранее составленному списку, иначе в результате оказываешься с целым ворохом ненужных вещей.

Пужинав, Анна мысленно вернулась к Васе.

Он, конечно, гений, но временами бывает жутко непрактичным. Если ему был так нужен этот Вадим Куприянов – мог бы завести знакомство поближе. Нет, он решил быть деликатным и вежливым и не мешать возникшим романтическим отношениям, а теперь переживает, что потерял возможность пообщаться с интересным коллегой.

Анна забралась с ногами на диван и включила планшет, залезла в соцсети и стала изучать профиль Вадима. Хорошее образование – истфак МГУ. Работа в академическом институте исторического профиля. Статус «состоит в отношениях». Девушка Мария Бориславская. Значит, он вырвался от своей девушки и решил закрутить новый роман? Во время научной командировки? Ну-ну!

Анна зашла на страницу Марии. Симпатичная, серьезная. Посты в основном личного характера или философские с краткими записями-размышлениями. Но новые посты Бориславская выкладывает нечасто, видно, что человек не торчит с утра до вечера в сетях, а живет собственной, не виртуальной жизнью. Есть совместные фотографии с Вадимом. Причем на фотографиях нет назойливой демонстрации отношений: никаких поцелуев на камеру или тесных обнимашек. Все довольно прилично. Такие фотографии не стыдно и маме с папой показать. Несколько фото на природе, в кафе и еще одна на научной конференции. Значит, девушка тоже историк? Понятно, почему на странице никакого рекламного гламура или глупого мимишанья.

Интересно, куда пропал этот Вадим – серьезный парень, ученый с неординарной темой? Неужели так увлекся, что решил остаться в Париже?

* * *

«Машка! Приветнице огромный! Пишет тебе твоя подруга Ритка, о которой столько лет не было ни слуху, ни духу. Как ты помнишь, сначала я бросила институт, а потом распрощалась со всеми, отправившись в свободное плавание. Бог знает, какой дух противоречия во мне жил, я с легкостью переходила из одной крайности в другую. Ты же всегда была оплотом благоразумия и правильной девочкой, что вызывало у меня легкую оторопь, смешанную с малой долей зависти. Уж мне-то такой положительной никогда не стать. Я выпала из твоего поля зрения примерно восемь лет назад, а это, по нынешним меркам – почти вечность. Даже год вмещает в себя так много, что уж говорить о восьми годах?»

Мы с тобой хорошо общались в институте. Помнишь, как мы особенно сблизились на третьем курсе? Когда я исчезла со всех радаров, мне хотелось тебе позвонить, но я боялась, что тогда буду жалеть о своем поступке – уходе из института. Рубить так рубить... Начался период моих скитаний, я ушла из дома и работала в разных местах – в музыкальной группе, посудомойкой, менеджером сотовой связи... Мне нравилось быть самостоятельной, жить отдельно от предков и вообще быть не такой, как все. И вот настал момент, когда я задумалась об эмиграции. Но моя эмиграция была не экономическая и не идейная. А скорее – географически-мировоззренческая. Дело в том, что в какой-то момент я задумалась – почему мы в век скоростей и Интернета живем в одном месте, не меняем ареал обитания?

Мы читаем книги, смотрим фотографии в Интернете, ездим один раз в год в Турцию или в Египет, но совершенно не хотим двигаться с насиженных мест. Годами ждем смерти какой-нибудь троюродной бездетной тетушки, которая оставит нам квартиру, или влезает в долги по ипотеке для того, чтобы прозябать в своих четырех стенах где-то на окраине среди унылых

панелек... Но жизнь ведь намного шире! И замыкать свое бытие в рамках одного города – непростительная глупость. Я решила посмотреть мир. И начала с Америки. Мне хотелось впитать в себя этот бешеный ритм, драйв, поэзию небоскребов, скоростей, безграничной свободы, а потом – по контрасту поселиться где-нибудь в сытой добропорядочной Европе, в Брюгге или Лионе или арендовать квартиру с видом на Колизей. А может, пожить в испанской деревушке, где народу всего ничего. Тихо, спокойно, благодать.

Таковы были мои приблизительные планы, но все закончилось совсем не так, как я предполагала. Хотя первый пункт плана – насчет Америки – сбылся. Правда, я осела не в Нью-Йорке, как хотела, а в Бостоне.

Как ни странно, в США мне не понравилось. Вот и доверяй своим книжным представлениям! Единственный плюс – там я снова начала заниматься живописью. Один из моих любовников был художник, и весьма приличный. Так что моя детская мечта в какой-то степени осуществилась.

Теперь перехожу к главному – как я попала в Иерусалим. В Америке я постепенно обустроилась, жизнь шла по накатанной колее. На приличную работу я устроиться, конечно, не могла и перебивалась случайными заработками, но на жизнь хватало. Время от времени рядом со мной появлялись мужчины, надолго они не задерживались, но расставание происходило по обоюдному согласию. Пару раз, правда, были скандалы. Но это жизнь, и гладкой она не бывает.

Но вот однажды... Однажды, как в сказке! Даже смешно. Однажды ко мне в руки попала какая-то историческая книжка про Иерусалим. На французском языке. Во французском я ни бум-бум, но его знал мой любовник. Это он откуда-то притащил книгу, я взяла ее полистать со скуки и – пропала. Текст я не понимала, но картинки меня заворожили. Книга была про древний Иерусалим, и гравюры, где был изображен Град Небесный, пронзили меня в самое сердце. Город – как остров, как гора Божья, обнесенный стеной, башенки, а посередине величественный храм. Лабиринт при первом взгляде, но лабиринт не враждебный человеку, напротив – он разворачивается как лестница, по которой нужно взойти, чтобы достигнуть чертогов небесных. Я уже заговорила возвышенным языком, сорри. Но по-другому никак нельзя, не получится. И эта купольность, предельность земная и пленили меня в Иерусалиме. Есть же выражение земная и небесная твердь. Так вот небесная твердь для меня – это купол Иерусалима. Это сфера, которая вмещает в себя все. Весь наш мир.

И тогда я подумала, что я делаю в Америке, когда на земле есть Иерусалим? Все наносное мигом слетело с меня. Я поняла, что в США меня уже ничто не удержит. Моя жизнь и мечта уже там – в Иерусалиме. Так я оказалась в Израиле.

Более подробно расскажу при встрече. Я буду в Москве через два дня. Если не возражаешь, хотела бы остановиться у тебя. Встречай меня в аэропорту. Дай мне свой номер телефона, чтобы я скинула время и рейс. С пламенным приветом, твоя подруга Рита Мазен».

* * *

Риткину огненно-рыжую макушку в толпе пассажиров Маша увидела сразу. Такой насыщенный рыжий цвет ни с чем не перепутать.

– Рита! – крикнула Маша, пытаясь протиснуться сквозь строй встречавших.

Рита увидела ее и, широко улыбнувшись, бросилась навстречу.

– Машка!

Рита похудела. Впрочем, она никогда не была особенно толстой, но сейчас и вовсе стала как тростиночка. Одета она была в какие-то безразмерные штаны и в пеструю куртку, которая была совсем не по московской погоде. Зеленые глаза Риты горели как у дикой кошки, кожа была медовой от загара, на запястьях позвякивали браслеты. За спиной болтался небольшой рюкзак. В руках – пакет, на плече сумка.

– Это весь твой багаж? – удивилась Маша.

– Да. Мне много не надо. Я, собственно говоря, ненадолго. Я по делу приехала.

– Ладно. Рада тебя видеть.

Подруги обнялись.

– Взаимно. Ну что, как я поняла, ты не против приютить меня на пару дней? Поехали. Ты на машине?

– Нет, сейчас возьмем такси, – ответила Маша.

Всю дорогу Рита с восторгом смотрела в окно.

– Москва определенно похорошела. Задает темп. Теперь местами это приличный западный город. Респект!

– Рита, а ты с кем-то еще из наших списывалась? – спросила Маша.

– Пока нет. А ты? С кем-то из сокурсников общаешься?

– Редко, – призналась Мария. – Наверное, я такая ленивая и некоммуникабельная.

Рита расхохоталась. Смеялась она красиво, запрокинув голову, показывая ровные белые зубы. Так смеяться мог только довольный жизнью человек.

– Просто, Машенька, ты на редкость положительна. Идеал просто! Наверное, в советские годы ты была бы образцовой пионеркой, а потом – комсомолкой. Ты привыкла, когда все идет по накатанной. Для тебя шаг влево, шаг вправо – почти расстрел. Оттого ты и с сокурсниками не общаешься. Все, что выходит из привычного течения жизни, тебя напрягает.

Маша нахмурилась, но потом подумала, что обижаться на подругу, с которой не виделась восемь лет, странно. Но от вопроса не удержалась:

– Неужели я выгляжу такой... бюргершей?

Рита кивнула.

– Ну, примерно так.

– Никогда себя таковой не ощущала!

– А это взгляд со стороны. Кстати, я сейчас учусь на психолога, так что ты ничему не удивляйся.

– Не буду, – пообещала Мария.

– Хата твоя? – поинтересовалась Рита, скидывая рюкзак на пол в прихожей.

– Снимаю. То есть снимаем, – поправила Маша. – С молодым человеком.

– Статус? Просто отношения или что-то более серьезное?

– Пока не знаю, – уклончиво ответила Маша. Не признаваться же в том, что Вадим – пропал. Это ни к чему. Это ее проблемы, она сама разберется. Еще не хватало свои неприятности вываливать на Риту.

– Где кухня? – спросила подруга.

– Прямо. Не ошибешься. Есть будешь?

– Чай попью.

На кухне Рита достала из пакета коробку с чаем.

– Это наш, израильский. Там всякие травки полезные для бодрости, тонуса и мозговой деятельности. Целебный, короче. Это тебе маска глиняная из Мертвого моря. Это браслет с минералами. И картина. Рисовала сама. Так что жду – восторги по поводу моего творения.

На небольшой картине были изображены горы в бледной жемчужной дымке и нежные деревца на переднем плане. И еще яркие цветы: розовые, лиловые, белые.

– Весна в Израиле, – прокомментировала Рита. – Красотища! Но это надо видеть, изобразить почти невозможно. Где восторги?

– Замечательно! – искренне сказала Маша.

Вдруг у Риты из сумки на стол что-то выпало, сначала Маше показалось, что это спичечный коробок, но оказалось – маленькая картинка: изображение города-крепости с башенками.

– Что это? – поинтересовалась Маша.

– Мой талисман, – тихо сказала Рита и бережно взяла картину в руки. – Мне его подарила одна католическая монахиня в Иерусалиме. Сестра Доменик. Это изображение средневекового Иерусалима. А сестра Доменик – удивительная женщина! Где только не была! Даже в Африке работала миссионером. Но что я все о себе да о себе... Как ты? – спросила Рита.

– У меня все нормально вроде. Учусь в аспирантуре, встречаюсь с молодым человеком. Вадим – мой коллега. Тоже историк. Сейчас он в командировке, во Франции. Родители, слава богу, живы-здоровы. Вроде все. Детьми пока не обзавелась. Такой вот краткий рапорт.

– Да, краткий, – усмехнулась Рита и забралась с ногами на кушетку в углу. – Как же я была права!

– В чем?

– В том, что нужно сначала мир повидать, а потом уже осесть на одном месте. А то вся биография в пару строчек вмещается.

– Так и эпитафии на могилах тоже не длинные.

Рита рассмеялась.

– И все-таки я свою жизнь ни на что не променяю! Столько всего повидала, другим на несколько жизней хватит. И столько еще впереди... То, что я тебе в письме написала, – всего лишь малая часть моих приключений. Иногда просыпаюсь, и какие-то воспоминания о прошлом в голове теснятся, я думаю, записывать надо, чтобы не забыть со временем. Мне даже страшно бывает, что вдруг в один прекрасный момент все улетучится.

– Воспоминания надо записывать, пока они есть. Это очень эфемерная субстанция, – заметила Маша.

– Да, – закивала Рита. – У моей подруги в Израиле Ларисы Кундинян пренеприятная история случилась. Ее мать с такими интересными людьми была знакома: с писателями, артистами, художниками. Лариса все приставала к ней – воспоминания написать, хотя бы в черновом виде. А та отмахивалась: мол, еще успеется. И вот у матери приключился инсульт. И с воспоминаниями покончено. Так что все в жизни надо сразу брать и делать. Пока оно идет. Завтра может быть уже поздно. Простая такая философия, немудреная. А как часто о ней забывают! Или вообще не берут в голову.

Маша накрывала на стол, разливала чай по чашкам, а Рита продолжала:

– А иногда мгновения как всполохи, но пахнут счастьем. Помню, я поехала с одним музыкантом в турне по Европе. И как мы с ним смотрели закат в Амстердаме: солнце плавилось в окнах, и было впечатление, что диковинный дракон бьет хвостом, и его чешуя переливается, вспыхивает, гаснет и снова дрожит огнями. Или в Венеции сумерки – мягкие, словно большой кот ходит на мягких лапах. И даже слышно, как он шуршит...

– Как красиво! Рита, ты не пишешь рассказы?

– Пока нет. Только небольшие эссе. Публикую в Живом журнале. Иногда. Вот и Элиав говорит мне, что я слишком романтична.

– Элиав?

Рита улыбнулась.

– Да. Моего любимого зовут Элиав, и он моя полная противоположность: серьезный, строгий. И такой красавец! Высокий брюнет, фигура как у атлета. Я первое время мучилась, не понимала, что он во мне нашел? Но когда стала заниматься психологией, то поняла, что любят ни за что-то, а несмотря ни на что или вопреки всему. Любовь всегда идет поперек устоявшемуся. Это сигнал, что мы еще живые и не успели полностью высушить и запротоколировать свою жизнь. Когда я это поняла, мне стало легче. А что у тебя произошло с твоим Вадимом? – без всякого перехода спросила Рита.

Маша вздрогнула.

– Я же все-таки психолог, – улыбнулась подруга. – Выкладывай!

В сбивчивом рассказе Маши все это выглядело так. Вадим поехал на международную научную конференцию и пропал. Буквально. Она пытается дозвониться до его матери, но то она не подходит к телефону, то телефон заблокирован. Придется ехать к ней, и это будет для Маши испытанием, потому что мать Вадима ее недолюбливает. Но находиться в неведении она больше не может. Либо Вадим пропал и нужно что-то делать, либо это – разрыв отношений.

– Но ведь он же не мог меня бросить ни с того, ни с сего, – вздохнула Маша. – Как гром среди ясного неба! Ничего такой развязки не предвещало. Прямо-таки на пустом месте.

– На пустом месте ничего не бывает, – заметила Рита задумчиво. – Что-то здесь не так...

– Я тоже так считаю. – Голос Маши дрогнул.

– А реветь – последнее дело! Тем более мы ничего не знаем.

– Но он же сообщил что-то матери, связался с ней, объяснил, почему задерживается, если бы Вадим этого не сделал, она бы подняла панику. Почему же он не позвонил мне, не прислал хотя бы сообщение?

– Мы не знаем всех обстоятельств, – сказала Рита. Но Маше показалось, что подруга сказала это просто так, чтобы лишний раз ее не нервировать.

– И что мне делать? – печально спросила Маша.

– Ждать.

– Терпеть не могу ждать! Все внутри просто взрывается, хочется что-то делать. Куда-то бежать...

– Иногда нужно просто ждать. Когда вселенная утихомирится, и придет нужная информация, а вместе с ней и правильное решение.

– Ты еще и философ, – усмехнулась Маша.

– Иногда приходится им быть. Ничего не поделаешь, – серьезно проговорила Рита.

– Ты сказала, что приехала в Москву не просто так, – перевела Маша тему после недолгой паузы.

– Не просто, – охотно откликнулась Рита. – Просто так я ничего не делаю. Но это не корысть в чистом виде – упаси боже. Это просто закон сохранения энергии. Если жить бездумно, то никуда и не придешь. Я приехала по вполне конкретному делу. У меня умерла двоюродная тетюшка, которая оставила мне квартиру. Не хоромы, конечно, но хорошая двухкомнатная, в хорошем районе. И я приехала, чтобы вступить в права собственности, выражаясь юридическим языком. Я была готова к негативной реакции со стороны родственников, но что я получу такое... – Рита покачала головой. – Говорят же – труднее всего выдержать испытание богатством. Но на меня надела сестра с мужем, мол, у них двое детей, нужны деньги, и они спокойно бы сдавали эту квартиру и жили припеваючи, надела мать, чтобы я уступила сестре, надел двоюродный брат – почему квартиру оставили мне, а не ему... Все смотрят на меня волками и готовы съесть, не поморщившись. И что они мне только не высказывали в телефонных разговорах и по скайпу, представляю, что будет живьем.

– А ты?

– А я – смеюсь. Включаю полный пофигизм и ни на что не реагирую. И заметь, это злит даже больше, чем если бы я орала и махала кулаками. Эмоциональные крючки – самые крепкие. Подсел, и все! Пиши пропало. Тебя будут морить со страшной силой.

– Ты не хочешь никому уступать?

– С чего вдруг? Запомни на всю оставшуюся жизнь: никогда не отдавай своего. Никогда и никому. Даже близким. Их жизнь – это их жизнь, а твоя жизнь – это твоя жизнь. Ну попробуем порассуждать здраво. Положим, я отдаю Светке квартиру. Значит, она будет сидеть дома, не поднимая задницы со стула. Есть балыки, ездить в Турцию, а я должна рвать ноги за границей? Как рвала, так и буду рвать? Зачем? Если баба Ася, царствие ей небесное, рассудила, что квартира нужна мне, а не Светке, и не Жене, и не моей матери, то как я могу пойти против ее воли? Разве это правильно?

Маша удивилась таким здравым речам. Она бы поступила по-другому. И получается – зря! Сколько же есть в мире вещей, над которыми она раньше не задумывалась! И почему?

Маша уступила гостю комнату, а сама легла на кухне. Сон не шел. В голову почему-то лезли воспоминания о прошлом, о Вадиме, о том, как они познакомились... И ей почему-то стало казаться, что Вадим – замечательный парень, и все у них было прекрасно, просто сейчас наступила черная полоса, которую нужно переждать... А потом Вадим вернется, и все снова будет замечательно. С этими мыслями Маша уснула.

* * *

– Он мне не ответил, – сказал Вася через два дня.

– Кто? – не сразу сообразила Анна, поднимая голову от компьютера.

– Вадим, с которым я был на международной конференции. Никакого ответа.

– И что?

– Странно.

– Что странно?

– У тебя теперь манера отвечать, задавая односложные вопросы? – сердито поинтересовался Курочкин. – Богатый словарный запас!

Анна вспыхнула и отвернулась.

– Ладно, прости, – примирительно сказал Вася. – Это я сгоряча.

– Думаешь, что говоришь! Так что с тем парнем?

– Не понимаю, что происходит, – почесал в затылке Вася. – Человек исчез с моего горизонта, а я уже психую. Хотя он мне, собственно говоря, – никто. Но что-то не дает мне покоя в этой истории. Может быть, интуиция?

– Слушай, а если попробовать обратиться к его девушке?

– Какой девушке?

– Я когда смотрела профиль этого Вадима, узнала, что у него есть девушка – Мария Бориславская. Может быть, спросить у нее? Наверняка девушка знает, куда он пропал.

– Глупо это все как-то... – пробормотал Вася.

– Зато все узнаешь, и твои сомнения разрешатся. Не будешь мучиться на пустом месте.

– Мне неудобно...

Анна захлопнула папку, лежавшую у нее на столе.

– Ну хорошо. Это сделаю я. Тебя такой расклад устраивает?

– Будь другом, выручи! – оживился Вася. – Может быть, я не прав. Но так мне будет спокойней.

* * *

Зайдя утром в Фейсбук, Маша увидела сообщение, которое ей оставила некая Анна Рыжикова. Анна просила ее позвонить по телефону, чтобы поговорить по поводу Вадима.

Дрожащими руками Маша набрала номер. И, едва услышав, что ей звонят от человека, который был с Вадимом на одной конференции, сразу выпалила:

– А можно, я к вам сейчас подъеду? Где вы находитесь?

Анна продиктовала адрес.

* * *

Мария Бориславская выглядела ужасно расстроенной. По ее словам, Вадима она не видела с тех пор, как он уехал на конференцию, на связь он не выходил, и что делать – она не знала.

Вася вкратце описал свою встречу с Вадимом, разумеется, опустив его контакты с французенкой, и посоветовал Марии не паниковать раньше времени.

– Все образуется, – сказал он.

И сам себя презирал за эти слова. Так как понимал, что, скорее всего, дело в банальном адюльтере. Правда, непонятно, почему Вадим не отвечает на телефонные звонки. Мог бы сказать подруге пару слов, чтобы не волновалась.

– Мы ведь, кажется, и с вами коллеги? – спросил Вася из вежливости, чтобы как-то отвлечь Марию. – Вы тоже историк?

– Да, – кивнула Мария. – Учусь в аспирантуре.

– И какая у вас тема? Какой эпохой занимаетесь?

– Россия сразу после революции семнадцатого года. – Мария оживилась, было видно, что тема ее живо интересует. – Я занимаюсь историей своей семьи. Вернее, пытаюсь выяснить что-нибудь о двоюродной прабабушке – Ариадне Федоровне Бориславской. Но пока без особого успеха. – Она вздохнула. – У нее была очень интересная судьба. Ариадна Федоровна была ученым, биохимиком. Работала вместе с Александром Богдановым, тем самым, который создал институт крови. А потом после его смерти в тысяча девятьсот двадцать восьмом году ее следы затерялись. Удалось выяснить только, что в январе двадцать первого года она из Москвы уехала в Петербург для работы с неким Т. Но в конце года вернулась в Москву. Я уже проработала в стольких архивах, но никакого упоминания о ней больше не нашла. – Мария замолчала. – Я даже взяла фамилию Бориславская, чтобы быть к ней и своим корням как-то ближе.

Василий Курочкин внимательно смотрел на нее, воодушевление, с которым девушка говорила, очень ему понравилось.

– Знаете, Мария, наш историко-консультативный центр проводит множество исследований, и если имя вашей прабабушки попадетсся нам в каком-нибудь из документов, я вам обязательно сообщу, – пообещал он.

– Если найдете что-нибудь – буду страшно рада, – улыбнулась она.

Когда Мария Бориславская ушла, Вася сказал, не глядя на Анну:

– Между прочим, судьба и работа ее прабабушки действительно представляют интерес. Ты знаешь, кто такой Богданов?

– Конечно. Соратник Ленина, ученый-марксист, основатель Института крови.

– Верно! Но еще он был крупнейшим идеологом социализма. Теоретиком. Он создал такую известную организацию, как Пролеткульт. И он же внес значимый вклад в науку, предвосхитив современную кибернетику. Плюс писатель-фантаст, прямо-таки апологет будущего. А его идея, что многое можно изменить с помощью крови! Как биолог Богданов проповедовал теорию о возможном омоложении человеческого организма посредством переливания в организм свежей и молодой крови. В тысяча девятьсот двадцать шестом году он основал Государственный научный институт переливания крови. Делал эксперименты на самом себе, переливал себе кровь одиннадцать раз! Его смерть – научный подвиг. Впрочем, прочитаешь об этом сама. – Вася посмотрел на часы. Мне пора бежать на круглый стол. Сегодня будет тема: «Мифы и факты в истории». Наверное, будет нечто любопытное. Во всяком случае, нужно заглянуть и освежить контакты с собратьями по науке.

– Успеха и интересных докладов, – пожелала ему Анна.

– Будем на связи, Рыжикова. Если что – звони. Я доступен в любое время дня и ночи и в любом месте.

Оставшись одна, Анна заглянула в Интернет, чтобы прочитать о Богданове подробней. Его биография была увлекательней голливудского боевика и триллера в одном флаконе.

Настоящая фамилия его была – Малиновский, Богданов – псевдоним. Родился Александр в семье учителя, закончил гимназию с золотой медалью. Поступил на физико-математический факультет Московского университета. Там увлекся идеями народолюбцев, за что был арестован и исключен из альма-матер. Во время ссылки в Тулу принимал участие в деятельности рабочих кружков. Написал «Краткий курс экономической науки», высоко оцененный Лениным. После окончания ссылки учился в Харьковском университете на медицинском факультете. Затем снова арест за политическую деятельность, и снова ссылка. На этот раз в Калугу, где он познакомился с Луначарским и возглавил кружок политических ссыльных. Из Калуги вместе с Луначарским выслан в Вологду, где работал в психиатрической больнице. После ссылки, как и многие революционеры, уехал в Швейцарию. К тому времени он уже вступил в РСДРП, а через год был принят в ЦК партии. За границей Богданов развернул активную партийную деятельность, в Болонье, на Капри. Был дружен с Максимом Горьким. Познакомился с Лениным. Владимир Ильич, искушенный в партийных и околопартийных интригах, сразу почувствовал, и небезосновательно, в Богданове соперника и конкурента. В партийных рядах он пользовался большой популярностью.

Сохранилась весьма примечательная фотография: Ленин и Богданов играют в шахматы, а рядом с ними – Горький. Соперники за шахматной доской и соперники по партии...

Анна посмотрела на часы. Вася не звонил, посетителей не было. Она решила пораньше уйти домой и уже там, на уютном диване, продолжить изучать биографию Богданова.

Но на улице стояла замечательная погода, а идти в пустую квартиру не хотелось. Анна медленно брела по улице. Первое робкое приближение весны, деревья застыли в ожидании тепла. По бульварам гуляли парочки.

Анна подумала о Даниле, о том, как начинался их роман, там, в Швейцарии. Как они пытались жить на две страны, и как эти попытки ни к чему не привели. Ведь и правда – любовь на расстоянии что-то убивает, не дает чувства радости, мгновенного отклика, нежности протянутой руки... Все оборачивается фантомом, призраком, навевающим ненужные грезы. Даже общение по скайпу не спасает.

Неожиданно зазвонил телефон. Звонил Вася.

– Привет! Ты где? На работе?

– Нет, гуляю по Москве.

– В каком ты районе?

– В центре. В районе Тверской.

– Какое замечательное совпадение! Я тут как раз сижу в одном симпатичном кафе на Тверской с моим коллегой. Присоединяйся к нам. Он, кстати, недавно делал доклад по Богданову. Ждем тебя.

– Давай координаты. Скоро буду.

Коллега Василия Курочкина оказался высоким худощавым парнем в очках. Очки придавали ему серьезный и даже занудный вид. Он встал и церемонно поздоровался:

– Добрый вечер, Анна. Я – Артемий Васильев. Можно просто Тема.

– Садись, просто Тема! – хлопнул его по плечу Вася. – Анна наша коллега, ни к чему политеся.

Они занимали угловой столик. За столом высились кружки с пивом и стояли тарелки с закусками.

– Садись, Анечка! Что ты будешь? Голодная, наверное...

– Вася, ты как? Все в порядке? – удивилась его неожиданной заботе Анна.

Курочкин захохотал.

– Не переживай, я не пьян. И дело даже не в том, что я хочу тебе зарплату заморозить. Кстати, это шутка. Расслабься. Просто – весна! Понимаешь? Уже пахнет весной! Скоро можно будет выехать на природу, в лес, на море... Надеть футболки и шорты – почувствовать себя нормальным белым человеком.

– А... теперь понятно. Я бы поела салат какой-нибудь. Легкий. И выпила чай зеленый. Можно?

– Нужно!

Сделав заказ официанту, Вася повернулся к Артемию:

– Так что ты там рассказывал о Богданове? Нам с Анной очень интересна эта тема.

– У вас научный к нему интерес или как? – подозрительно спросил молодой историк.

– Частный, Тема. Исключительно частный. Конкуренцию тебе составлять никто не будет... Так что не волнуйся, никто у тебя ценных сведений не уведет.

Артемию некоторое время внимательно смотрел на приятеля, а потом махнул рукой:

– Ладно, расскажу. Богданов – фигура грандиозная! Я как начал копать, так просто обалдел! Титан! Гений! Вообще мы своих гениев недооцениваем. Какой человек был! Энциклопедист, ученый, писатель, идеолог... И все в одном лице! Ведь что такое Пролеткульт? Под него была подведена мощная идеологическая база. Мол, если пролетариат не имеет своей культуры, как буржуазия, то эту культуру надо специально возвращать. Логично? Логично! И Богданов провозгласил, что для большей производительности труда нужна высокая мотивация – идеология. Что потом и было с блеском развернуто в период первых пятилеток.

– Он кровью интересовался, возможностями омоложения с ее помощью... – направил разговор в нужное русло Вася.

– Да. Проблемами крови он действительно занимался, – энергично закивал Артемию. – Это стало главным делом его жизни. После длительной ссылки-эмиграции Богданов возвращается в Россию в тысяча девятьсот тринадцатом году. С началом Первой мировой войны был мобилизован и отправлен на фронт в качестве врача. Своими глазами он убедился, что переливание крови для спасения жизни раненых и больных необходимо.

Принесли салат для Анны – овощной, с куриной грудкой и руколой, и маленький чайничек ароматного зеленого чая.

– Бон аппетит! – провозгласил Вася, салютуя ей пивной кружкой.

– Мерси, – откликнулась Анна.

Артемию поправил на носу очки и продолжил:

– С начала двадцатых Богданов делает первые опыты по переливанию крови на себе, в своей собственной квартире. Ему протезирует Николай Бухарин, давний друг. Вскоре Богданов отправляется в Англию для закупки необходимого оборудования, а также для того, чтобы познакомиться с британским опытом переливания и консервирования крови. Возвратившись в Россию, он продолжает свои опыты, снимает для этого операционную в одной частной клинике. И вероятно, даже не одну. Но эти опыты проходили в обстановке секретности...

Вася с Анной переглянулись.

– А кто работает в этих операционных? Сохранились данные о сотрудниках?

Артемию покачал головой:

– Нет. Я же говорю – секретность. Но ясное дело, что работали там специалисты-профессионалы. Другим бы Богданов не доверил такое важное дело.

– И никакой возможности узнать имена этих людей? – спросила Анна.

– Если всплывут где-то данные – будет очень хорошо. Это кому-то надо? – поднял на нее глаза Артемию.

– Сегодня к нам приходила одна девушка. Утверждает, что ее прабабка работала с Богдановым. А после его смерти куда-то исчезла, – сказал Вася. – Слушай, старина, а не заказать ли нам еще по кружке пива?

– А не развезет? – заколебался Артемий.

– Не развезет! – заверил его Вася.

Пока Курочкин делал заказ, Артемий вновь посмотрел на Анну и вдруг сказал:

– Вы мне кого-то напоминаете. Но я не могу сообразить кого...

– Возможно, мы где-то виделись раньше. Может быть, на какой-то конференции. В каком-нибудь институте... – предположила она.

– Возможно... Так вот, Анечка, для Богданова кровь – это не просто кровь. Это величайший замысел. Величайшая материя! Для всех он был занят проблемами переливания крови для борьбы с малокровием, туберкулезом, для организации донорской службы. Но на самом деле для него кровь – это было не больше и не меньше, а коммунистическое бессмертие! Он планировал создать «общую кровь» для всех, всеобщее братство посредством всеобщей крови. Когда все человечество станет единым организмом. Когда энергия крови перестанет быть частным делом, она станет питать всех... Таким способом он хотел уничтожить классовое неравенство, чтобы все люди стали сестрами и братьями. Причем в самом что ни на есть физиологическом смысле. «На земле должна воцариться неполая физиологическая общность», – как утверждал он. Каков замысел, а? Это же грандиозно!

– Да, красота замысла, – сказала Анна.

– Вот-вот, как вы хорошо сказали: «Красота замысла»! Богданов мечтал изменить сознание людей с помощью переливания крови. Он полагал, что посредством этого каждая личность избавится от своей оболочки индивидуальности и ощутит причастность ко всему человечеству. Гений! Как вам это, Анечка?

– Масштабно!

– Вы сравните, что происходит у нас сейчас! – воскликнул Артемий. – Зайдите в какой-нибудь ларек или офис по продаже чего-то... Никто ни о чем не мечтает! Мы живем в эпоху, когда человечество схлопывается до мышей...

– Не все так пессимистично, – вмешался Курочкин. – Не надо падать духом. Мы, историки, не можем позволить себе роскошь предаваться унынию и скорби.

– Да, друг! Умеешь ты утешить. Кстати, Вася, сколько мы с тобой знакомы? Два года? Или три?

– По-моему – три.

– Тогда скажи мне как друг... Я планирую сделать Богданова темой моей докторской. Пойдет, а? Перспективная тема?

– А то! Отличная тема, – заверил Вася.

Принесли еще по кружке пива.

– Итак, Богданов, теоретик и практик в одном лице, – вновь воодушевленно заговорил Артемий. – Список его начинаний после революции впечатляет. Он создает коммунистическую академию, Пролеткульт, редактирует переводы сочинений Маркса и Энгельса. И конечно, его главная работа – опыты с кровью. Нельзя не отметить, что он достиг здесь впечатляющих результатов. Он вылечил своего сына, помог поправить здоровье сестре Ленина Марии Ульяновой. Вливания пробовал на себе и нарком внешней торговли Леонид Красин. Вы, конечно, знаете, что именно Красин один из инициаторов возведения Мавзолея и сохранения тела Ленина? Он обсуждал с Богдановым, возможно ли воскрешение людей через переливание крови. И создание Мавзолея планировалось как раз для того, чтобы в будущем воскресить вождя революции.

Анна посмотрела на Васю, тот важно кивал на реплики друга, словно принимал экзамен и был доволен его ответом.

– И только в двадцать шестом году был наконец-то создан первый в мире Институт переливания крови, – продолжал Артемий. – Но Богданову недолго пришлось работать и руководить этим институтом. Он умер через два года после его открытия. Умер в страшных мучениях, «обменявшись» кровью с одним из студентов, который пришел в институт в надежде вылечиться от туберкулеза. Богданов решил, что его кровь, устойчивая к туберкулезу, поможет юноше излечиться. А его собственный организм освободится таким способом от старых белков. После переливания стало ясно, что кровь студента отторгнута, и у Богданова началось самоотравление организма. Как истинный адепт науки он продемонстрировал полное равнодушие к смерти и до последнего вздоха диктовал окружающим его ученикам симптомы и изменения в организме для научной обработки данных. Истинный ученый!

– А студент? – спросила Анна. – Что было с ним?

– Студент, как ни странно, выжил. И он, как и обещал ему Богданов, излечился от туберкулеза.

– Я читал, что слухи ходили разные, в том числе, что Богданова отравили и убрали умышленно, – вставил Вася. – Параллельно, так сказать, с последним экспериментом.

– Да. Есть такая версия. Но это маловероятно. Ну что, друзья, выпьем за Богданова! За науку! За победу науки! – Он поднял кружку с пивом. Вася со звоном чокнулся с ним. Анна с улыбкой отпила свой зеленый чай.

* * *

Всю ночь Анне снились кошмары. Какие-то гигантские стеклянные трубки, которые шли от одного человека к другому. И по этим стеклянным трубкам струилась кровь, люди были спаяны этими трубками воедино, они выглядели довольными и счастливыми. Но их глаза были закрыты, словно они прислушивались к себе и к тому, что происходило внутри них. Люди находились в каком-то странном пространстве: это была ни земля, ни вода, а гладкая поверхность металлическо-серого цвета, как асфальт. Где-то она пузырилась, где-то была покрыта чахлой зеленью бурого цвета. Вокруг людей слабо светились бледные оболочки, а под ними шли эти жуткие стеклянные трубки. Один из людей открыл глаза и уставился прямо на Анну. И Анна узнала в этом человеке себя. Она закричала и проснулась.

В комнате было темно, Анна посмотрела на часы, стоявшие на тумбочке около кровати, – три часа ночи.

– Кошмар! – сказала вслух Анна, проводя рукой по лицу, словно прогоняя страшный сон. – Так и до психушки дойдешь с такими снами!

Она поворочалась некоторое время, пытаясь вновь заснуть, но сон никак не шел. Анна встала, накинула халат и пошла в ванную. Умыла лицо холодной водой и посмотрела на себя в зеркало. Лицо белое, с синеватым оттенком.

– Будто мне на самом деле кровь перелили, – проговорила Анна.

Она вернулась в постель, но уснула далеко не сразу. Еще какое-то время в голову лезли разные дурные мысли, которые не давали погрузиться в долгожданный сон.

* * *

Вадим по-прежнему не давал о себе знать. Маша места не находила от беспокойства. И видела лишь один выход – поговорить с матерью Вадима. Возможно, она в курсе и расскажет ей, куда подевался ее сын. Если же... Это «если» Маша старательно гнала от себя. Она боялась даже подумать о самом худшем.

И сейчас ей предстоял малоприятный разговор с Оксаной Петровной. Мать Вадима по-прежнему не отвечала на звонки, пришлось ехать к ней домой.

Маша стояла у подъезда, не решаясь набрать номер квартиры на домофоне. В подъезд заходила девочка с собакой на поводке, Маша проскользнула за ними и вместе с ними же зашла в лифт. Пока лифт поднимался, умная овчарка косилась на Машу карим глазом, словно укоряя ее в неподобающей трусости.

Перед тем как позвонить в квартиру, Маша какое-то время переминалась с ноги на ногу. Но потом решительно нажала кнопку. Трель звонка оглушила ее, послышался какой-то шум, звук шагов.

– Кто там? – раздался голос Оксаны Петровны.

Свой голос Маша не узнала: он был тонким и писклявым, словно говорила школьница-первоклашка.

– Оксана Петровна, это Мария, подруга Вадима.

Молчание из-за двери так и сквозило презрением. Это презрение было ощутимо, оно давило, торжествовало, накрывало с головой.

– Откройте, пожалуйста, мне нужно поговорить с вами...

Дверь открылась, Оксана Петровна окинула гостью недовольным взглядом. Она была в пестром халате, с лоснящимися губами, видимо, только что ужинала и ее оторвали от еды.

– Здравствуй, Мария! – сказала она подчеркнуто-отстраненно.

– Я хотела спросить... узнать... – Маше было невыносимо стыдно признаваться, что она понятия не имеет, куда делся Вадим. – Вы не знаете, где Вадим?

Брови Оксаны Петровны взлетели вверх.

– Вадим во Франции. В научной командировке, – с недоумением ответила она. – Ты разве не знаешь?

– Знаю... Но... Вадим почему-то не выходит на связь. Вот я и подумала... А вам он давно звонил?

– Вчера, – усмехнулась Оксана Петровна. – И он вполне доволен своей поездкой.

Маша вспыхнула.

– Извините за беспокойство. Всего хорошего. До свидания, – пробормотала она, отступая к лифту.

– Всего хорошего, – донеслось ей вслед презрительно.

На улице Маша села на скамейку на детской площадке и разрыдалась.

«Я знала, что она ко мне плохо относится. Но чтобы так подчеркнуто унизительно! Кошмар! И что происходит с Вадимом? Почему он мне не позвонил? Почему не отвечает? Он встретил там женщину? Но мог бы позвонить и все объяснить...»

* * *

О Богданове Анна и Вася на следующий день не говорили, работали с новым исследованием. А в обед Вася вдруг сказал:

– Я, кстати, забыл тему, с которой выступал этот Вадим Куприянов.

– Ты же говорил, что-то неординарное и интересное, – усмехнулась Анна.

– Все темы по своему интересны, а неординарных пруд-пруди, особенно на конференции, – парировал Вася. – Дай мне номер телефона Марии Бориславской, она должна знать. Вдруг его исчезновение как-то связано с его работой.

Вася позвонил Марии и задал свой вопрос. Услышав ответ, он нахмурился и проговорил:

– Ну вот видите, все разрешилось.

Повесив трубку, повернулся к Анне.

– Как интересно получается! Официальная тема Куприянова – социально-экономические аспекты земства. Но Мария только что сказала, он сильно увлекался историей гибели Николая Второго и его семьи. На эту тему и было его выступление. Непростая тема. Многие

историки ее разрабатывают, отслеживают все, что публикуется по Романовым. Здесь уже возникает определенная опасность... – Он задумчиво побарабанил пальцами по столу, а потом попросил: – Аня, попробуй поднять материалы по Анне Андерсон.

Часть вторая

История одной самозванки

Германия. 1919 год

Я помню глаз, парящий надо мной в высоте, от него исходило тепло. Я подумала, что уже умерла и нахожусь в раю. Но я ошиблась, потому что чей-то грубый мужской голос сказал:

– Очнулась? Вот и хорошо, а я уже думал...

Дальше шел длинный текст на непонятном языке.

Я открыла сначала один глаз, потом – другой.

Я находилась в комнате, на меня смотрели двое мужчин, словно чего-то ждали. Один мужчина лет шестидесяти, с бородкой, другой – высокий, моложе, лет сорока.

Я попыталась улыбнуться, но не смогла. Рот был словно зашит, я испугалась, что у меня паралич или что-то в этом роде и теперь я буду полностью обездвиженной. Наверное, этот испуг отразился на моем лице, потому что мужчина, который помоложе, подошел ко мне, склонился и проговорил:

– Все в порядке, барышня, не переживайте. Все будет хорошо. – Он говорил по-русски, но с каким-то странным акцентом.

А я опять не могла произнести ни слова.

– Видишь, Конрад! – сказал старший и продолжил на непонятном языке.

На их лицах читалось недоумение и озабоченность. И как я поняла, причиной тому было мое состояние.

Мужчины вытягивались передо мной то в длину, то в ширину. Они напоминали мне восточных джиннов. Очертания фигур колебались в воздухе, и казалось, их вот-вот унесет сквозняком. Страшная сонливая тяжесть навалилась на меня, и я закрыла глаза. Сквозь сон я слышала невнятное бормотание – без слов, без пауз. Как будто бы надо мной читали молитву или заклинание.

Когда я снова очнулась – был день, потому что солнечный свет падал в комнату. Я пыталась повернуть голову или пошевелиться, и собственное бессилие заставило меня издать звук, похожий на всхлип. Я не могла ни шевелиться, ни говорить. Я помнила, что недавно в этой комнате были другие люди. Но кто? Этого я вспомнить не могла.

Надо мной склонилась женщина.

– Как вы? – спросила она по-немецки.

Я пыталась что-то изобразить на своем лице, но у меня и это получилось плохо, потому что женщина озабоченно смотрела на меня, положив руку на мой лоб. Ее рука была не холодной, не горячей, она была как будто бы невесомой и светилась изнутри.

– Вы хотите есть? Пить?

Я смотрела на нее, не понимая, чего от меня хотят.

Женщина исчезла из моего поля видимости, и я вдруг услышала странный шум. Шум нарастал, и вскоре вся комната наполнилась звуками. Они были разными: свист ветра, клекот хищной птицы, крики людей, топот ног и сухие щелчки, снова крики... Казалось, моя голова вот-вот лопнет от этого гула...

По моему лицу потекли слезы. Я почувствовала, что мне их вытирают. Но я плакала и плакала, а потом снова уснула. Точнее, провалилась в забытие.

Очнулась я от того, что меня легонько трясли за руку. Я открыла глаза. Передо мной был совершенно незнакомый человек. Плотный, с всклокоченными черными волосами и черной бородкой. Он смотрел на меня огромными черными глазами, не мигая.

Я никак не хотела просыпаться, но он снова тряс меня за руку. Его глаза расширились, и внезапно мне показалось, что я провалилась в них. Я очутилась в пустыне, посреди раскаленных барханов, передо мной вился извилистый след змеи, тонкий, уходящий к горизонту, как будто бы кисть художника сделала причудливые зигзаги на бежево-золотистом полотне. Цепочка верблюдов шла впереди – далеко передо мной. Я побежала. Бежала изо всех сил, понимая, что если не догоню караван, то умру сию минуту в этом раскаленном пространстве. Мои ноги увязали в песке, в горле першило. Неизвестно откуда нахлынули строки:

– Память. Память... Сбрасываем кожу, не тела... – Гортанный голос звучал словно внутри меня. А верблюды, мерно покачиваясь, уходили, скрываясь за последним барханом, который я могла еще видеть. Я упала на песок и заплакала от собственного бессилия. Я не смогла догнать караван, и отныне моя участь – умереть от голода и жажды в пустыне, где я одна-одинешенька.

Но самое страшное видение, преследовавшее меня время от времени, было, как я лежу на столе, опутанная тоненькими стеклянными трубками, по которым текла моя кровь. Я силилась встать и не могла. Крики, бормотание, шепот, раскаленная пустыня и лед... Мне холодно и жарко, больно и сладко, я не выдерживаю этого напряжения и кричу... Но мой крик безмолвен. И я плачу...

В очередной раз я очнулась от того, что мне стало холодно. Я открыла глаза и увидела, что мне на лицо положили кусок льда. Я вскрикнула и пыталась замотать головой, чтобы стряхнуть лед, но голова была как ватная...

На меня смотрело незнакомое мужское лицо. И я поняла, что плачу от собственного бессилия и отчаяния. Я напоминала себе мумию фараона или куклу, которая не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Слезы текли по моим щекам: теплые, живые, и вдруг я ощутила, что могу пошевелить пальцами руки. Это открытие ошеломило меня, и я чуть не вскрикнула от радости... Но вовремя сдержала свои эмоции. Мужчина смотрел на меня немигающим взглядом. От его взгляда мне было не по себе. Он обратился ко мне по-русски:

– Мадемуазель Мария? Анастасия? Ольга? Татьяна?

Как будто проверял мою реакцию, ждал, когда я откликнусь.

Я слушала его, не дыша, замерев. Каким-то чутьем я поняла, что этот мужчина – чужой и я должна опасаться его. Мне нельзя выдавать свои чувства, это все потом обернется против меня. Может быть, наступит день, я полностью приду в себя и смогу встать с кровати, но пока до этого было очень далеко.

Свет погас, я снова осталась одна...

В темноте, когда я долго лежала и думала, смутные картины прошлого проносились передо мной. Я вспоминала свою семью, отца, мать, сестер. Дворец, где мы жили. Но я не могла вспомнить, как меня зовут и кто мои родители... Картины были неясными, смутными, голоса приглушенными. Все расплывалось в нежном солнечном мареве.

Наутро, открыв глаза, я вновь увидела солнечный свет, заливший комнату, и впервые за все это время у меня появилось хорошее настроение. Какое счастье, что я осталась жива!

Беспокойная мысль юркнула змейкой: а почему я так подумала? Мне что, грозила опасность, которой я избежала? Откуда взялась эта опасность? Чего я избежала? Я пыталась вспомнить и не могла.

Теперь ко мне подошли трое. Двое мужчин и женщина. Они смотрели на меня внимательно, а я на них – с беспокойством. Они говорили между собой на каком-то непонятном языке, и вдруг я стала их понимать. Они говорили обо мне, перемежая свою речь длинными медицинскими терминами. Они ожесточенно спорили между собой, наконец, мужчина, самый

старший из них, сказал, что нужно время и что, возможно, я скоро приду в норму. При этом они ни разу не назвали меня по имени. Но я чувствовала себя лучше, даже могла слабо пошевелить пальцами.

Меня поместили на коляску и куда-то повезли. Мне было страшно, и я зажмурилась. А когда открыла глаза, то поняла, что меня привезли в сад. Роскошный красивый сад. Зелень была в полном цвету, но уже клонилась к увяданию. Я сидела и смотрела на деревья, на листья, на цветы. Сад! И откуда-то во мне раздалось: «Папа! Папа! Посмотри, какой красивый цветок!»

Нахлынули картинки из прошлого... Я в таком же красивом саду, стою, наклонившись над ярко-алым цветком. Невысокий мужчина с бородкой, что стоит неподалеку, поворачивается ко мне.

– Да. Спасибо, дорогая.

К нему спешит женщина. Перья на шляпе колышутся в такт шагам.

– Ники! Нам надо поговорить.

– Да, дорогая Аликс, сейчас.

Мужчина подходит ко мне и ласково треплет по щеке.

– Спасибо, за цветок. Я буду хранить эту красоту. Спасибо, моя маленькая принцесса.

Он берет меня на руки и целует.

Я смотрю на сад, и картины прошлого мелькают передо мной. Ники и Аликс – это мои родители. Но кто они? Кто я? И как меня зовут?

Внезапно видения исчезли, и я испытываю острое разочарование. Я так и не узнала – кто я. И вопросы один сложнее другого встают передо мной. Где я? Как я здесь очутилась? И что меня в конце концов ждет? И внутренняя интуиция подсказывает, что от этих людей ничего хорошего мне ждать не стоит...

Прошло несколько дней. Мое состояние медленно, но верно улучшалось. Я уже могла двигать пальцами рук и ног, поворачивать голову. Свои маленькие достижения я старательно скрывала от людей, которые приходили ко мне.

Настал день, когда я попыталась встать с кровати. Даже не встать, а просто приподняться. Но, сделав резкое нерассчитанное движение, я упала. Боль ошеломила меня. Я лежала на полу и плакала в голос. Но вместо крика из моего горла вырвался слабый писк.

Я пролежала так не очень долго, потому что женщина в белом халате заглянула ко мне и, увидев, что произошло, воскликнула: «Скорее, скорее, сюда!» На ее крик прибежали люди, меня подняли с пола, положили опять на кровать. Все захлопотали вокруг меня. А я ощущала слабость и бессилие. И еще чувство, что я останусь здесь навсегда.

Прошло еще время, сколько – я не знала. Дни и часы путались в моем сознании. Я пробовала еще раз встать с кровати, на этот раз мне удалось спустить ноги. Я сидела, болтала ногами. То есть это было даже не болтание, а так – слабое покачивание. Но я была счастлива. Мое тело начинало постепенно слушаться меня. И затеплилась надежда, что когда-нибудь я снова стану здоровой.

Меня по-прежнему иногда вывозили в сад, я сидела в коляске, грелась на солнышке, но больше голоса во мне не звучали. И я не знала: хорошо это или плохо.

Вскоре я смогла встать с кровати и, сделав два шага, остановилась. Пот стекал по моему лицу, ноги от непривычки сильно гудели, но я была счастлива! Я могла ходить!

Два шага обратно к кровати дались чуть легче. Вдруг дверь распахнулась и ворвалась женщина в белом халате – сиделка.

– О, мадам, мадам, – засуетилась она. – Вы уже ходите, как хорошо!

Ее глазки внимательно обшаривали мою фигуру, словно желая отыскать на ней какой-то тайный знак.

Я молчала.

– Ложитесь обратно, ложитесь, – приказала она. – Вы могли упасть! Разве можно быть такой неосторожной?

Она помогла мне лечь обратно в кровать, а затем явилась уже знакомая мне троица – двое мужчин и женщина. И еще один мужчина, которого раньше я не видела. Высокий, худой, не старый. У него были пронзительные черные глаза и аккуратные усы. Черные волосы зачесаны назад. В руках он держал небольшой серебристый ящичек. Он прошел ко мне и сел на кровать. Открыл ящичек. Там были медицинские инструменты.

Он откинул одеяло. Мне было стыдно и неприятно. Я закрыла глаза, чтобы не видеть, как он меня осматривает. Но любопытство все-таки пересилило, и я принялась сквозь ресницы наблюдать за ним.

Мужчина осматривал меня сосредоточенно, сдвинув брови, как будто бы изучал диковинный экземпляр. Наверное, это так и было. Остальные стояли вокруг молча и так же внимательно смотрели на меня. Закончив осмотр, мужчина что-то кратко сказал остальным, и они, как я поняла, выразили согласие с его словами.

С тех пор меня не оставляли одну ни на мгновение, около меня постоянно дежурила сиделка. Это было досадно, что я не смогла сохранить в тайне свои движения и меня обнаружили. Но, поразмыслив, я поняла, что моей вины тут не было. Напрасно я казнила себя за неосторожность. Надо довериться Богу, и все будет хорошо. Я вспомнила, что кто-то однажды уже говорил мне эти слова. Но кто? Этого я никак не могла вспомнить, как ни старалась.

Каждый день я делала маленькие успехи. Вот только речь ко мне никак не возвращалась. Вместо нее было лишь какое-то сипенье. Как будто бы я обожгла горло и теперь каждый звук причинял мне боль.

Однажды мне приснился странный сон, как будто бы я нахожусь в маленькой тесной комнате. Рядом со мной дорогие и любимые: родители, сестры, брат. Их лица я вижу как бы в тумане, нечетко. На всех – отпечаток глубокой скорби и страданий. Они смотрят на меня, я хочу подойти к ним ближе, положить голову на колени матери, но не могу этого сделать, потому что стою как бы по другую сторону невидимого стекла. Мои родные за ним, а я – здесь. Я смотрю на них, но между нами – преграда, которую я не в силах одолеть. Я могу быть только безмолвным наблюдателем. Они смотрят на меня, как будто бы взывают к чему-то. И я чувствую, как стучат мои зубы, мне отчаянно страшно, словно сейчас должно произойти нечто неминуемое и ужасное.

Вдруг раздаются страшные звуки – выстрелы. И дорогие мне люди тают как тени, превращаясь на моих глазах в легкие облачка, но кровь, которая струится из них, – живая, реальная. Кровь заливает пол, брызги остаются на стенах. Мне страшно, я кричу... и просыпаюсь, продолжая кричать. Надо мной склонилась сиделка.

– Что такое? Что? – повторяет она, с испугом заглядывая мне в лицо...

Я говорю, как выплевываю:

– Воды!

И в тот же момент – по моему позвоночнику озноб. Я могу говорить! Боже мой, я снова говорю! Я слышу свой голос со стороны. Хриплый, каркающий. Но это мой голос!

Мне приносят стакан воды. Я пью простую воду, и она мне кажется сладкой на вкус. Словно ничего вкуснее до этого я не пила.

Мои зубы стучат о стакан.

– Вам приснился страшный сон, мадемуазель? – пытается меня сиделка. У нее круглое лицо и курносый нос.

Я снова выдавила из себя:

– Да, – а потом еще раз: – Да.

Я могу говорить!

Допив воду, протягиваю стакан сиделке. Она уходит. Когда за ней закрывается дверь, я начинаю говорить вслух. Я могу говорить пока только отдельные слова, и то с трудом.

Вскоре ко мне пришли опять те же самые люди. Четверо. Они заставили меня встать и сделать несколько шагов, потом повторить за ними разные слова. На этот раз они не стали ничего обсуждать, а, переглянувшись, вышли из комнаты.

«Что они решили в отношении меня?» – гадала я. Почему-то я была уверена, что они будут принимать какое-то решение.

Когда сиделка вывезла меня в сад в коляске, мне показалось, что она была чем-то озабочена. Она часто наклонялась ко мне поправить плед, который покрывал мои ноги. Наклонившись в очередной раз, она шепнула мне:

– На днях вас собираются убить. Вам надо бежать. Понимаете? Дайте знак, что вы меня поняли.

– Да, – прохрипела я. – Я поняла...

– Хорошо. Только говорите осторожней. Нас могут услышать. Я ваш друг, и меня попросили спасти вас.

– Кто?

– Ваши друзья.

Я понятия не имела, кто мои друзья. Ведь я даже не знала, кто я.

– У вас есть друзья, и они хотят спасти вас. Меня попросили помочь, иначе вас убьют, – настойчиво продолжала сиделка. – Сегодня вас постараются вывезти отсюда, – сказала она, вновь поправляя мне плед. – Будьте к этому готовы.

Я кивнула.

– Вот и хорошо, – улыбнулась она и громко спросила: – Вам не дует?

К нам приближался мужчина. Он был в светлом плаще и темных брюках. Светловолосый, сероглазый. Наверное, при других обстоятельствах я бы назвала его симпатичным.

– Нина! Кажется, нашей пациентке холодно, лучше отвезти ее в дом.

– Она мне об этом ничего не сказала.

– Но она же не умеет говорить.

Меня взяла досада и обида.

– Умею... – выдавила я.

– Мо-ло-дец! – по слогам сказал мужчина. Он говорил по-русски, а потом перешел на немецкий: – Сейчас вы меня понимаете?

Отпираться было глупо, и я кивнула.

– Замечательно. Вы делаете успехи. Это очень хорошо. А вам стоит вернуться в дом, на улице прохладно.

– Хорошо, сейчас я ее отвезу, – ответила сиделка.

Мужчина стоял и смотрел на меня сверху вниз. Ощущение было не из приятных. Словно я маленькая девочка, а он с любопытством меня разглядывал.

– Вы идете на поправку.

Я насупилась. Разговаривать мне не хотелось.

– Обиделись? Я желаю вам добра. – Он улыбнулся.

«Так они все говорят, – устало подумала я. – Все здесь говорят, что желают мне добра. Между тем несколько минут назад сиделка сказала, что меня хотят вывезти отсюда, чтобы спасти от смерти. Кто прав?»

Я слабо улыбнулась.

– Какая у вас замечательная улыбка, – воскликнул мужчина. – Улыбнитесь еще разочек. В ответ я плотно сжала губы.

Мужчина рассмеялся.

– А вы озорница. Как и следовало ожидать.

Я насторожилась.

Что значит «следовало ожидать»? Что он имеет в виду? Он знал меня раньше? Или это просто слова?

– Не сердитесь, – сказал он. – И не обращайтесь внимания на мои слова.

Легко сказать – «не обращайтесь». И почему он стоит и смотрит на меня? Неожиданно я забеспокоилась – как я выгляжу? В памяти всплыло зеркало. Да, зеркало! Надо посмотреться в зеркало. Но что я там увижу? Внезапно я так испугалась, что меня стала бить дрожь. Мужчина посмотрел на меня с беспокойством.

– Вы озябли? Лучше поскорее вернуться в дом. Нина, – кивнул он сиделке.

– Спа-си-бо, су-дарь, – отчеканила я.

Сиделка покатила мою коляску к дому. Мужчина шел рядом. Катил она меня быстро, и я слышала его тяжелые шаги справа. Перед порогом он сказал сиделке:

– Давайте теперь я.

Он катил коляску легко, как будто бы я ничего не весила. Перед комнатой остановился, склонился и поцеловал мне руку.

– Приятно было познакомиться, мадемуазель.

В ответ я слабо улыбнулась.

Когда мы с сиделкой остались в комнате одни, она шепнула мне:

– Вы помните, что я вам сказала? Вы все поняли?

– Да.

– Ваши друзья дадут нам о себе знать.

Мне хотелось попросить у нее зеркальце, но почему-то я постеснялась это сделать. Она ушла, закрыв за собой дверь. А я, оставшись одна, задумалась: ее настойчивость меня пугала. Кому я вообще могу доверять в этом доме? Кто эти люди? Зачем я здесь? Как я сюда попала? А самое главное – кто я?

Я заснула, но спала беспокойно. Проснулась от шума за дверью. Приглушенные крики, звуки борьбы, потом раздались щелчки. Все это привело меня в сильнейшее волнение. Я попыталась встать, но не смогла... Раздался женский крик. Вновь грянули выстрелы. Я закричала и все-таки встала с постели. Сделала несколько шагов и упала на пол. Поднялась и с трудом, держась за стены, добралась до двери. Я стояла, тяжело дыша, когда дверь внезапно распахнулась и на пороге возник тот самый светловолосый мужчина.

– Вы в порядке? – спросил он, увидев меня у двери. – Вам еще рано ходить.

– А что происходит? – Мой голос дрожал. – Кажется, я слышала... – Я прищелкнула пальцами. – Я слышала выстрелы.

– Совершенно правильно, мадемуазель, – кивнул мужчина. – Это были выстрелы. Меня радует, что вы уже ходите и говорите. Очевидно, сильный стресс способствовал тому, что резервные силы вашего организма вступили в бой с недугом. И судя по всему, побеждают его.

В его манере говорить было что-то от взрослого, который разговаривает с маленькой девочкой. И вдруг меня осенило: я же даже не знаю, сколько мне лет! Девятнадцать? Семнадцать? Двадцать пять?

Я хотела спросить его. Но поняла, что сейчас не время задавать вопросы.

– Давайте я помогу вам вернуться в постель. Все-таки вы не настолько окрепли, чтобы самостоятельно путешествовать по комнате.

– А что там... было?

– Расскажу как-нибудь после. Сейчас все, что от вас требуется, это крепкий сон для восстановления организма.

Он помог мне лечь и подоткнул одеяло.

– А вы... – Я хотела спросить: «придете ко мне завтра?» Но слова застряли в горле. Я поняла, что если скажу их, то расплачусь.

Он как будто бы угадал или, точнее, услышал мои мысли.
– Спице, завтра я к вам приду. – И погладил меня по руке.
Его рука была теплой, а моя – холодной.

Проснувшись утром, я обнаружила около себя другую сиделку. Это была высокая сухощавая женщина лет пятидесяти, из-под белой шапочки выбивались густые жесткие волосы. Она смотрела на меня, поджав тонкие губы.

– Смотрите, смотрите, мадемуазель Берд пришла к нам! – вспомнился мне вдруг чей-то смех. – Какая она важная...

Смеялись девочки в белых платьях – мои сестры. К ним подходила женщина, чем-то похожая на птицу – высокая, худая, с острым носом.

– Вы только поглядите! – не унимались они.

– Мадемуазель Берд, – проговорила я вслух.

Сиделка посмотрела на меня с недоумением, а потом сказала длинную фразу по-немецки. Смысл фразы сводился к тому, что мне нужно себя беречь и не перенапрягаться, никакой мадемуазель Берд она не знает, а если мне нужно есть или пить – она тотчас принесет.

Кормили меня здесь протертой пищей: пресной и безвкусной. Впрочем, я все равно практически не ощущала вкуса еды. Но вдруг мне захотелось сочных ягод – больших, ярко-красных. Как же они называются? Ах да, клубника!

– Я хочу клубники.

– Но у нас нет клубники, – сказала женщина, как мне показалось, с осуждением.

Я закрыла глаза и вновь уснула. И проснулась от того, что изумительный запах щекотал мне ноздри. Открыв глаза, я увидела рядом с собой вчерашнего светловолосого мужчину. Он сидел на стуле с тарелкой в руках, на тарелке лежала клубника, именно такая, какой я ее себе и представляла – яркая, налитая, сочная.

– Мадемуазель, вы просили клубнику.

– Да, – прошептала я.

– Тогда – прошу. На здоровье.

Я приподнялась. Он поставил тарелку с клубникой на прикроватный столик, помог мне приподняться и подложил подушки под спину, теперь я могла сидеть на кровати.

– Так будет лучше.

Он снова протянул мне тарелку. Я взяла ягоду, надкусила, брызнул сок...

– Боже, какая же ты смешная! Даже клубнику ешь как медвежонок! – раздавались, звенели голоса девочек – моих сестер. Они были как феи – в светлых платьицах, веселые, красивые.

Я посмотрела на свое платье: на груди расплывалось пятно от ягоды. Мы сидели за столом в саду и ели клубнику, посередине стола был кувшин молока, сверху которого виднелась бледно-желтая пенка.

– И почему ты такая неаккуратная!

Алое пятно расплывается на груди, я пытаюсь стереть его салфеткой. Но делаю только хуже. Я ужасно смущена. Сестры качают головами, на их груди я вижу такие же алые пятна, которые расплываются, становятся все больше и больше... Их лица бледнеют, они падают на траву как подкошенные. Я бегу от них прочь и вижу, как навстречу мне идет женщина. И я понимаю, что это – моя мать. У нее озабоченное лицо, я бегу к ней, вся дрожа.

– Мама! – шепчу я. – Мама! – повторяя, зарываюсь в складки ее платья.

Она наклоняется ко мне, обнимает и шепчет:

– Что тебя напугало?

Я, не в силах вымолвить ни слова, вырываюсь, бегу дальше. Я выбегаю на берег. Море! Какое огромное! На горизонте большой корабль, который уплывает от нас... Я бегу в воду, я уже по колено в воде. Мне страшно идти назад, а впереди... ничего нет.

– Вам плохо? – Мужчина дотронулся до моей руки.

– Н-нет. Просто вспомнилось кое-что.

– У вас такой вид, будто бы увидели что-то страшное. Что вы увидели? Или вспомнили?

Он задавал вопросы небрежным тоном, но при этом не сводил с меня внимательного взгляда.

– Так, глупости. – Я не хотела ему ни о чем говорить.

На лице мужчины мелькнула не то досада, не то раздражение. Но он мягко поинтересовался:

– Как клубника?

– Вкусная... Но я ела вкусней.

– Когда? – быстро спросил он.

– Не могу вспомнить, – солгала я.

– А что вы помните?

Я покачала головой:

– Ничего. Как будто бы в голове пустая дыра...

– Жаль! Но вы обязательно поправитесь, и к вам вернутся воспоминания.

Дальше он сказал что-то по-французски. Я уловила только общий смысл.

– Вы думаете, что воспоминания будут для меня... болезненны?

Он колебался. Я это видела.

– Говорите!

– Не знаю, – неохотно произнес мужчина. – Существует даже специальная молитва против воспоминаний. Не всегда хочется вспоминать: иногда лучше забыть. Но не всегда это получается. Память – страшная вещь! Есть прекрасные строки:

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтобы душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.
Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, кто раньше
В этом теле жили до меня...¹

– Чьи это строки? – спросила я.

– Есть такой поэт Николай Гумилев. Это его стихи.

– Наверное, я его не читала.

– Почему?

Я задумалась:

– Мне кажется, у меня была строгая мама.

Мой собеседник улыбнулся.

– Да, у вас была очень строгая мама.

¹ Н. Гумилев «Память».

– Но кто? – воскликнула я. – Вы знаете мою маму? Кто я? Как меня зовут? Почему меня здесь держат?

Его лицо посуровело.

– Вы еще очень слабы. Вот когда окрепнете...

– То, что тогда? Вы меня отпустите? И что я буду делать?

– Не все сразу, мадемуазель. Не надо торопить события.

– Вы обращаетесь со мной как с ребенком... Сколько мне лет?

Он некоторое время молча смотрел на меня и наконец проговорил:

– Чуть позже вы все узнаете.

По моим щекам текли слезы. Я была непонятно где, я не знала, кем я была в прошлом и что меня ждет в настоящем. Я отложила тарелку с клубникой на столик.

– Не хочу ждать! Можно мне хотя бы зеркало?

– Хорошо. Вам принесут зеркало, только ненадолго.

– А почему я не могу смотреться в зеркало? Я что, увижу вместо своего лица Медузу Горгону?

– Вы помните, кто такая Медуза Горгона? – с интересом спросил мужчина.

Я задумалась.

– Нет, но я знаю... – Я выделила последнее слово. – Знаю, что когда-то видела ее.

Беседа меня очень утомила, я откинулась на подушки и закрыла глаза. Когда я их открыла, мужчины в комнате уже не было. Зато вошла сиделка и подала мне маленькое зеркальце.

О, с какой жадностью я схватила это зеркальце. Мне казалось, что сейчас я найду все ответы на свои вопросы. Руки мои дрожали, и я боялась выронить его.

Увиденное меня разочаровало. Припухшее лицо, глаза-щелочки... Неужели это я? Я так всегда выглядела? Сколько мне лет? Двадцать? Двадцать пять? Тридцать? Разве это я? Я не могу быть такой!

Я отдала зеркальце сиделке и отвернулась к стене.

Прошло несколько дней. Тот мужчина больше не приходил ко мне, из чего я сделала вывод, что он, наверное, уехал. Но кто он? И почему так внезапно исчез? Мне хотелось спросить о нем у сиделки, но казалось, что это не совсем прилично. А может быть, и опасно.

Но наконец он вновь появился. Я невольно обрадовалась.

– Здравствуйте!

– Добрый день, мадемуазель! Вы выглядите намного лучше, отдых идет вам на пользу.

– Я чувствую себя разбитой.

Он никак не отреагировал на мои слова.

– Я кое-что вам принес. – И положил мне на одеяло книгу.

Я посмотрела название. «Мифы и легенды Древней Греции».

– Мне кажется, у меня была такая...

– Возможно. Откройте книгу и прочтите хотя бы полстраницы. Можете ли вы читать?

Я открыла и начала читать. Буквы легко складывались в слова и предложения. Книга была на русском.

– Вы почти полностью восстановились.

Я покачала головой.

– Я по-прежнему ничего не помню.

– Ну не все сразу, – улыбнулся мужчина.

Сердце у меня упало. Что значит «не сразу»? Восстановится ли моя память вообще когда-нибудь? Или я обречена на полное беспомощество? И зачем, спрашивается, мне тогда жить? Я захлопнула книгу.

– Скажите, пожалуйста... – Мой голос упал до шепота. – А когда-нибудь вообще моя память восстановится?

Мужчина смотрел на меня, словно раздумывая, что мне сказать. Какую часть правды.

– Сейчас трудно утверждать что-либо определенное. Думаю, что скорее да, чем нет. Но преждевременных надежд я бы вселять не хотел.

Вот так: коротко и понятно!

Кажется, он не лгал. Этот мужчина внушал мне чувство неосознанной симпатии. Внезапно я подумала, что при других обстоятельствах я могла бы в него влюбиться. А вдруг я уже испытывала муки любви? Вдруг мое сердце когда-то уже было разбито? Могу ли я знать наверняка?

Мужчина внимательно смотрел на меня. Я почувствовала невольное смущение, почему-то захотелось натянуть одеяло до подбородка.

– А как... как вас зовут? – решила спросить я.

Мужчина, казалось, не удивился этому вопросу.

– Я все ждал, когда вы спросите об этом. Можете называть меня Рихард.

В моей голове было множество вопросов, но я не смела задавать их. Мне хотелось знать: кто он. Что здесь делает и как долго будет около меня. Но еще больше меня мучили другие вопросы: кто я и что ждет меня дальше?

– Я вижу, вы несколько утомились. Я зайду к вам завтра.

– До завтра, – прошептала я и закрыла глаза.

Рихард пришел лишь через два дня. Он кивнул мне, кратко поздоровался и спросил:

– Как дела?

Сиделка обычно при его появлении вставала и уходила. Так было и на этот раз. Иногда она выходила немного раньше, это означало, что между ними была связь, и она знала, когда Рихард придет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.